

ров, признаны судом виновными и приговорены к восьми годам лишения свободы; акции компании постоянно падают в цене, ее зарубежные счета арестованы, ее дочерние предприятия скупаются за бесценок. Можно, конечно, говорить о "высокой политике" по отношению к олигархам типа Ходорковского и компаниям типа ЮКОСа со стороны президента и правительства России, о попытках аннулировать итоги приватизации и затеять новый передел собственности, о зависти тех, кто еще не наворовал государственных богатств России, к тем, кто уже преуспел в этом деле, и т.д. Недавно Ходорковский высказал предположение, что ему отомстили; надо полагать, он знает кто и за что. Пока конец неприятностям для бывших владельцев ЮКОСа даже не просматривается. Причины политического порядка случившемуся можно найти много. Но во всей этой истории мне гораздо более важным кажется другое, а именно то, что боги и духи Тункинской долины защитили свою землю и ее людей от грозившей им беды – и население поверило в это. А поиски политических причин случившемуся мы оставим политологам. Вот таким мне запомнилось противостояние Тункинского национально-го парка и ЮКОСа, свидетелем и участником которого мне пришлось быть несколько лет назад.

ЭО, 2008 г., № 3

© А. А. Ярлыкапов

НЕФТЬ И МИГРАЦИЯ НОГАЙЦЕВ НА СЕВЕР*

Нефтяной бум конца XX – начала XXI в. вызвал серьезные изменения в жизни российских граждан. Эти изменения заставили этнографов обратить внимание на проблему влияния нефтегазовых разработок на среду обитания и традиционную культуру аборигенов. Понятно, что перемены происходят на той территории, где происходит добыча "черного золота", поскольку разработка нефтяного сырья запустила глубинные процессы не только в экономике страны. Но миграционные потоки устремились также в те места, где осуществляется развитие инфраструктуры добычи нефти и газа: наряду с нефтяниками здесь большой спрос и на специалистов в других областях, да и просто на неквалифицированных работников. Как правило, зарплаты тут высокие не только у нефтяников; большинство мест добычи нефти и газа находится на российском Севере, где действуют соответствующие надбавки⁴⁰.

В своей статье я хотел бы рассмотреть частный случай – как нефтегазовый бум в кризисной России стимулировал миграцию ногайцев на российский Север и к каким переменам это привело. В основу статьи положены исследования автора, проведенные в 2004–2005 гг. Методы, примененные мной, – исключительно этнографические. Мигранты – люди мобильные, и с информантами мне удавалось беседовать в разных местах, в том числе в Москве (путь на родину как по земле, так и по воздуху обычно лежит через столицу). В основном же беседы с ними происходили на Северном Кавказе, летом–осенью, когда мигранты приезжают домой отдохнуть и повидаться с родны-

Ахмет Аминович Ярлыкапов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; achmady@iea.ras.ru

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (06-01-12126в) "Принципы и методы оценки этносоциального воздействия современных управленческих решений на население Севера: оценка мирового опыта и российской практики".

ми. Здесь же я непосредственно наблюдал за теми изменениями, которые происходили под воздействием мигрантов на их родине.

Ногайцы, о которых пойдет речь в этой статье, – тюркоязычный народ, проживающий в России в основном на Северном Кавказе: в Республике Дагестан (38 тыс.), Чеченской (3,5 тыс.), Карачаево-Черкесской (15 тыс.) республиках, Ставропольском крае (20,6 тыс.) и Астраханской области (4,5 тыс.) (более подробно о самих ногайцах и территории их традиционного расселения см.: *Калмыков и др.* 1988). Всего в России, по переписи 2002 г., проживает 91 тыс. ногайцев (ВПС 2002). Своего национально-территориального образования ногайцы не имеют, но пользуются статусом субъекто-образующего народа в двух северокавказских республиках: Дагестане и Карачаево-Черкесии.

В советский период ногайцы были наименее мобильными по сравнению с другими народами, проживающими на территории Кавказа. Серьезные передвижения ногайцев произошли примерно с середины 1990-х годов. Однако масштабы этих передвижений оказались настолько впечатляющими, что стало очевидно: ногайцы за относительно короткий срок нагнали упущенное с лихвой. С середины 1990-х до 2002 г. из своих родных мест мигрировало около 10% проживающего тут ногайского населения⁴¹. Основной отток ногайцев из северокавказских регионов наблюдался на российский Север, на территорию Уральского, в меньшей степени Сибирского и Дальневосточного Федеральных округов. Наиболее привлекательной для ногайцев оказалась нефтяная Тюменская обл.: по данным переписи населения на 2002 г., в Ханты-Мансийском АО проживало 2,5 тыс. ногайцев, а в Ямало-Ненецком АО – 1,7 тыс. Ногайцы едут даже в заполярный Норильск: в 2003 г. из официально проживающих в Красноярском крае 380 ногайцев три четверти проживали в этом городе (Этноатлас 2006: 163). Конечно, указанные цифры не отражают реального положения дел, а ногайских мигрантов здесь значительно больше. Однако приведенные цифры, по крайней мере, отражают существующую тенденцию.

Ногайцы едут на Север в основном из Дагестана и Карачаево-Черкесии, значительно меньше из Ставропольского края и Астраханской обл. Мигранты из Дагестана представляют все группы местных ногайцев: и караногайцев, и бабаюртовских, и сулакских⁴². Особенно массовым отток населения был в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Основными причинами этого являются, безусловно, экономические трудности: безработица и низкие заработки на родине, не позволяющие обеспечивать достойный уровень жизни для себя и своей семьи. На Севере же в это время ощущается дефицит рабочей силы. Анализ состава мигрантов по времени позволяет выявить определенную закономерность: если в 1990-е годы мигрировали только те, кто не имел работы и средств к существованию на родине, то в 2000-е годы появляется заметная группа мигрантов, которые переезжают на Север в поисках более высоких, чем на родине, заработков. Мигрируют даже те, кто, по местным меркам, получает вполне приличную зарплату (5–6 тыс. руб.) и имеет стабильную работу – это прежде всего бюджетники.

Отъезд с родных мест на длительное время – достаточно хлопотное занятие, особенно в северные города. Для отъезда необходимы деньги, в среднем 20–30 тыс. руб. на одного отъезжающего в ценах конца 1990-х годов. Источник этих денег невелик, ведь большинство из тех, кто выезжает на Север, ими реально не располагает. В основном люди берут в долг, в том числе под проценты. Сегодня на Северном Кавказе этот вид бизнеса, однозначно осуждаемый Кораном, получил широкое распространение. Банковская система в регионе находится в упадке; в тех банках, которые функционируют на Северном Кавказе, небольшую ссуду получить очень трудно. Именно поэтому люди бывают вынуждены идти к частным лицам, дающим свои средства в рост, часто под грабительские проценты. Иногда помогают родственники; случается, что решившиеся уехать на заработки продают свое имущество. Однако последний вид добычи денег для отъезда и обустройства на новом месте практиковался главным обра-

зом в первое время, сейчас так поступают все реже и реже. Сегодня люди уже едут, удостоверившись, что их ждет работа, которую им подыскали обустроившиеся ранее знакомые, друзья или родственники, или, как минимум, зная, что хотя бы вначале им будет оказываться определенная поддержка с их стороны.

Обустройство связано с массой проблем, решаемых с разной степенью успеха. Основная проблема – это прописка (или постоянная регистрация). С ней легче устроиться на работу и решать проблемы с правоохранительными органами, поэтому мигранты стремятся разными путями получить заветный штамп в паспорте. Определенная часть, обустроивающаяся в сельской местности и представляющая интерес для местных властей (трактористы и водители, учителя, врачи и т.д.), получает здесь жилплощадь и прописку автоматически. Однако в городах прописку приходится покупать, иногда путем заключения фиктивных браков.

Ногайцы осваивают широкий спектр трудовых специальностей, предлагаемый бурно развивающимися нефтяными регионами. Мигрирует довольно много представителей интеллигенции: часто они устраиваются на работу по специальности – врачами, учителями, воспитателями в детских садах и т.д. Устраиваются ногайцы и в сфере торговли, но в основном это магазины или крупные торговые центры. Значительная часть их занята в строительных специальностях. Часто молодые люди создают бригады по ремонту квартир и офисов.

Проблема физической адаптации ногайцев к суровым условиям российского Севера, наверное, достойна особого упоминания. Часто ногайцы мигрируют семьями, в том числе и с грудными детьми. Если взрослые более или менее быстро и без особых потерь перестраиваются и приспосабливаются к новым условиям окружающей среды, то дети делают это с трудом и с очевидными потерями. Жесткие физические испытания накладываются на тяжелый стресс, связанный с изменением привычного языкового окружения, а также со сменой школы или садика.

Компактное расселение создает для ногайцев относительно комфортные условия существования. Немаловажную роль играет здесь также и то, что в результате нефтегазового бума российский Север в основном населен мигрантами, приезжими специалистами и их потомками. Ногайцы – граждане России, к тому же они значительно более грамотны, нежели мигранты из ближнего зарубежья. Ногайская миграция по составу качественно лучше.

У мигрантов после их обустройства на Севере, как правило, появляются деньги. Это вызывает интерес у деятелей ногайской культуры. В последнее время предпринимаются гастроли ногайских артистов в Сургут и другие города Севера, в которых проживает ногайская диаспора. Артисты, особенно молодые, работают над своим сценическим образом, заказывают в типографиях Северного Кавказа афиши, календари и рекламные проспекты со своими фотографиями и сценическими именами. Развивается и репертуар исполнителей, пишутся новые песни, появляются новые мелодии. Эти явления в культурной жизни во многом стали возможны благодаря тем изменениям, которые принесла с собой миграция на Север.

Очевидную проблему представляют ассимиляционные процессы. Родители вынуждены много работать, и дети большую часть времени проводят в дошкольных учреждениях. Там они интегрируются в местную интернациональную среду, что само по себе весьма ценно. Однако дети переходят на русский язык, да и родители, чтобы не создавать проблем, вынуждены поддерживать русскоязычие своих детей. Поездки на лето к родственникам, которые в диаспоре воспринимаются чуть ли не как панацея от языковой ассимиляции, не могут компенсировать недостатка общения на родном языке в течение года: дети могут понимать ногайскую речь, но не переходят на нее. Более того, дети вынуждают родных говорить с ними на русском и там, на родине.

Положительно можно воспринимать также то, что происходят самоутверждение и самореализация большинства мигрантов. Среди них считается достойным купить ма-

шину, пусть даже подержанную, и на ней приехать в родное село. Автомшины покупаются также и для родственников на родине, и количество их в селах растет. Конечно, покупка автомобиля (равно как и других предметов, все еще относимых к предметам роскоши) – это лишь внешнее выражение глубокого чувства успешности, испытываемого добившимися хотя бы чуть большего уровня достатка, чем на родине.

Очень хорошо, что экономически активные люди получают возможность самореализовываться, зарабатывать и занимать себя полезным трудом. Более глубокие, долгосрочные последствия состоят и в том, что в регионах проживания ногайцев выбивается социальная база развития радикальных националистических и религиозных движений. Даже если какая-то часть не имеющей работу молодежи, людей среднего возраста не мигрирует на Север, они все-таки получают возможность более или менее достойного существования, поскольку родственники, находящиеся на Севере, активно помогают им. Вообще значительная доля заработанных на Севере денег пересылается на родину для поддержки многочисленной родни. Как правило, эти средства идут не только на повседневное выживание: на них устраиваются свадьбы, поминки, иные затратные мероприятия, строятся дома для братьев и сестер.

В то же время экономические последствия можно оценивать по-разному. Среди таких неоднозначных последствий можно назвать резкий рост цен на недвижимость в местах проживания ногайцев. Например, в центре Ногайского р-на с. Терекли-Мектеб с населением около 8 тыс. человек, не имеющем никаких предприятий, кроме бюджетных организаций, и расположенном в 90 км от ближайшего города, дом с участком в восемь соток стоит 350–400 тыс. руб. Кстати, устойчивый спрос среди мигрантов на недвижимость на родине косвенно может свидетельствовать о том, что большинство из них рассматривает свое пребывание на Севере как временное явление, планируя рано или поздно вернуться обратно.

Таким образом, ногайская миграция на Север России имеет определенное направление. Основным пунктом миграционного потока является Тюменская обл. Ногайцы не заняли какой-то особой ниши среди мигрантов, не имеют своей "этнической" специализации, а также ресурсов для "контролирования" каких-либо сфер экономической или иной деятельности. Основная масса ногайских мигрантов – простые труженики, собственными руками и ценой определенных лишений добывающиеся сносного уровня жизни.

С одной стороны, миграция определенной части экономически активных граждан не способствует быстрому выходу из кризиса экономически депрессивных регионов на Северном Кавказе. С другой стороны, мигранты привозят с собой на родину "живые" деньги, невольно вызывая рост жилищного строительства, развитие мелкого бизнеса и торговли, робких ростков фермерства и т.д. Миграция способствует подъему общего благосостояния граждан в традиционных местах их проживания, работает на выравнивание уровня жизни по стране. В этом смысле миграция, вызванная новым нефтяным бумом, представляет собой несомненное благо как на региональном, так и на общероссийском уровне.